

УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

Юрий Михайлович Свойский

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ХАЛХИН-ГОЛА

**История бойцов и командиров РККА,
прошедших через японский плен**

Университет Дмитрия Пожарского
Москва
2014

УДК 94/95,355,49
ББК 63.3+68.54
С25

**Печатается по решению Ученого совета
Университета Дмитрия Пожарского**

Свойский Ю. М.
С25 Военнопленные Халхин-Гола. История бойцов и командиров РККА, прошедших через японский плен / Ю.М. Свойский. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014 г. — 320 с. + илл.

ISBN 978-5-91244-130-1

Одним из «тёмных мест» истории военного конфликта на Халхин-Голе является «проблема военнопленных». До настоящего времени она остается слабо изученной, а все опубликованные данные — противоречивыми и фрагментарными. Предметом настоящего исследования являются различные аспекты истории военнопленных Халхин-Гола — обстоятельства и причины пленения бойцов и командиров РККА, обращение с ними в японском плену, взаимодействие пленных с русской эмиграцией в Маньчжурии и японской военной разведкой, ход переговоров по обмену военнопленными и процедура обмена, действия военно-политического руководства СССР по отношению к возвратившимся из плена и их дальнейшая судьба.

Основой для всестороннего исследования этого аспекта Халхингольской войны стали архивные материалы — объяснительные записки и заявления бывших военнопленных, материалы следствия, произведенного ГУГБ НКВД, приговоры военных трибуналов, документы прокуратуры, военного командования и политических органов РККА.

В издание включены биографические сведения о военнослужащих РККА, возвратившихся из японского плена, убитых японцами после пленения и попавших в плен, но из плена не вернувшихся, а также 99 документальных материалов.

“Prisoners’ of war problem” is one of the most obscure issues of the Nomonhan (Khalhin-Gol) conflict history. So far, it remains poorly studied and all published data is contradictory and patchy. The subject of this study are various aspects of the story of the Red Army ranks and officers, captured at Nomonhan — from the circumstances of capture through the treatment in Japanese captivity, interaction with Japanese military intelligence and Russian émigrés in Manchuria, negotiations on the prisoners’ exchange and exchange procedure, towards treatment of returned former prisoners by Soviet military and political authorities and their subsequent fates.

The present research is based mostly on archival materials — after-action written explanations and statements of the former prisoners of war, the investigation materials prepared by GUGB NKVD, sentences of military tribunals, documents produced by military prosecution and high-ranking military and political officers.

The book includes biographical information about the Red Army soldiers released from Japanese captivity, as well as on those who was murdered by Japanese military after the capture or disappeared after being taken prisoner. Documentary section consists of 99 archival documents, related to the subject.

УДК 94/95,355,49
ББК 63.3+68.54

ISBN 978-5-91244-130-1

© Свойский Ю.М., 2014
© Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014

Предисловие

В большинстве исследований по истории Халхингольской войны вопросы потерь сторон пленными, обращение СССР и Японии с военнопленными противника, а также со своими военнослужащими, возвратившимися из плена, практически никогда не рассматриваются. Как правило, авторы ограничиваются утверждением, что после окончания конфликта был произведен обмен пленными или сообщают число переданных Японии военнопленных — 88 человек 27 сентября 1939 года и 116 человек 27 апреля 1940 года, сообщая одновременно, что обмен производился из расчета «один за один», но не уточняя сколько советских военнопленных было возвращено японцами и не сообщая никаких других сведений.¹ В качестве курьёза можно упомянуть и о более экзотической версии, явившейся, по-видимому, следствием невнимательного чтения литературы: «27 сентября 1939 года Советский Союз выдал Японии 88 пленных, 27 апреля 1940 года японцы СССР вернули 116 человек».² Иногда встречаются, без указания источника, утверждения, что потери РККА пленными «по предварительным официальным советским сведениям» составили 216 человек.³ Единственным исключением является написанная в конце 1980-х годов монография Элвина Кукса,⁴ содержащая ряд ценных сведений о военнопленных обеих сторон и, в числе прочего — сведения о числе советских и японских военнопленных, переданных Японией и СССР в 1939 и 1940 годах. Согласно собранным им сведениям, основанным на японских документах и интервью с очевидцами, число переданных советских военнопленных составило 89 человек (87 в 1939 г. и 2 в 1940 г.), а японских военнопленных было возвращено 204 человека (88 в 1939 г. и 116 в 1940 г.). Однако, за отсутствием доступа автора к тогда еще советским архивным документам, ему пришлось отказаться от рассмотрения судеб красноармейцев и командиров РККА, прошедших японский плен, ограничившись лишь верным утверждением, что их ожидали тяжелые времена.

¹ Шишов А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов. Вече, М., 2001, стр. 513 и др.

² Широкопад А.Б. Русско-японские войны 1904-1945 гг. Харвест, Минск, 2003, стр. 543.

³ Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. Вече, М., 2003, стр. 95.

⁴ Coox, Alvin D. Nomomonhan. Japan Against Russia. Stanford University Press, Stanford, California, 1990. На русский язык эта замечательная работа никогда полностью не переводилась, в переводе доступны лишь отдельные ее фрагменты, иногда без указания авторства.

В конечном итоге, в литературе на русском языке численность советских военнопленных до настоящего времени не названа. Равным образом не опубликованы и сведения об обстоятельствах и причинах пленения бойцов и командиров РККА, обращении с ними в японском плену, ходе переговоров по обмену военнопленными и действиях военно-политического руководства СССР по отношению к возвратившимся. Настоящее исследование до некоторой степени восполняет этот пробел.

Практически полное отсутствие публикаций по проблеме предопределило реконструкцию событий практически полностью на документальных данных, преимущественно документах Российского Государственного Военного Архива. Доступный исследователю материал — объяснительные записки бывших военнопленных, выводы следствия, приговоры военных трибуналов, документы прокуратуры и политических органов РККА — по своей сущности неизбежно противоречив. Вполне естественным образом интересы вернувшегося из плена (избежать обвинения в измене Родине, нарушении присяги, антисоветской деятельности) были диаметрально противоположны интересам следствия (установить факт добровольной сдачи в плен, передачи противнику сведений военного характера, недостойного поведения в плену, сотрудничества с противником). Вследствие этого бывшие военнопленные старались создать благоприятное впечатление о своих действиях, а следователи имели склонность трактовать показания не в их пользу. Определенный баланс в этом конфликте интересов поддерживали армейские политические органы и военные трибуналы, однако и они в своих выводах руководствовались не только собранными фактами, но и эмоциями, а иногда — и находились под давлением военного командования. Поэтому следует считать, что искажения действительной картины событий в документах значительны и ее восстановление требует тщательного учета личностей авторов документов и обстоятельств составления документов, а также привлечения сторонних источников. В этих условиях, осложненных отсутствием полного комплекта материалов следствия и крайней фрагментарностью сопроводительной переписки, однозначное восстановление обстоятельств, по-видимому, не представляется возможным — можно лишь говорить о создании максимально непротиворечивой картины.

Сложность восстановления истины иллюстрируется историей красноармейца 171-го отдельного моторизованного стрелково-пулеметного батальона 8-й мотобронебригады, попавшего в плен 6 июля 1939 года при отражении атаки японской пехоты и танков:

«...6-го июля в бою с японскими самураями ранило нашего командира старшину тов. Баранова, он стал звать о помощи, я бросился к нему на помощь, но не добегая до него, мне путь отрезали самурайские танки, я залег в окопе, крикнув командиру, чтобы он перестал кричать и стал бросать гранаты в танки, бросил 2 гранаты, затем, смотрю, бегут прямо на меня 2 саму-

рая, я открыл по ним огонь, один самурай упал, второй бросился обратно за ту сопку. В это же время с другой стороны услышал самурайский крик, я обернулся в ту сторону и увидел шагах в 16 или 20 от меня стоял самурай, размахивая шашкой и бросился ко мне, я выскочил из окопа встретить его штыком, но тут с правой стороны мелькнула возле меня самурайская фигура, который вдарил мне по голове прикладом, но приклад не попал в середину головы, а пошел вперед, и у меня от этого удара каска съехала с головы на лоб, но удар отразился на моей винтовке, винтовку выбило из моих рук, я от этого удара упал на колени, подняв голову увидел в щель, что возле меня прыгает самурай, хочет меня заколоть, я ухватил его правой рукой за штык, а левой за ствол и пригнул к земле. В это время подбежал самурай с шашкой и ударил меня ногой в левый бок, я упал. Тут насели на меня самураи, стали бить, стягивать снаряжение, я здесь еще раз крикнул последний раз: «командир, спасайся», и когда я уже был связан и лежа на земле в лапах самураев, я услышал в стороне, где лежал командир, взрыв, после взрыва я уже не слышал его голоса, просящего о помощи, здесь уже начались издевательства самураев надо мною, кто бил ногой, кто кулаком, кто топтал связанные руки и потом уже подошел ко мне самурайский офицер и обнажив наполовину шашку, стал водить по горлу, я плюнул на него и отвернулся, за это он меня ударил шашкой по голове, отчего я на время потерял сознание, когда я открыл глаза, меня опять подняли и хотели застрелить, но почему-то отставили и потащили за сопку, там били, затем посадили на танк сзади башины и отправили дальше. Когда подвели к офицеру, он ткнул шашкой и ударил в грудь кулаком, я упал на спину, мне завязали глаза и связали ноги...». Свидетелей, могущих подтвердить обстоятельства пленения, не было.

Следствие, однако, пришло к заключению, что «...БУРНЯШЕВ Александр Данилович, 1918 года рождения, член ВЛКСМ, красноармеец-кадровик 8 МББ. Прибыл на фронт 5 июля. В плен сдался с винтовкой в руках 6 июля. В плену фотографировался у подбитого танка с Герасимовым, инсценируя сдачу в плен. Разглашал военную тайну. Писал контрреволюционные листовки по заданию японцев. Высказывал желание остаться у японцев. Вывод: Судить за измену Родине...». Политотдел Фронтowej Группы, изучив отчет и материалы следствия, с osobистами в целом согласился: «...Бурняшев Александр Данилович, 1918 года рождения, член ВЛКСМ, кадровый красноармеец 8 МББ. Прибыл на фронт 5 июня. Взят в плен 6 июля. В плену фотографировался у подбитого танка с белым флагом, инсценируя сдачу в плен. Высказывал желание остаться у японцев. Вывод: предать суду за нарушение военной присяги...».

Приговор военного трибунала не оспаривал данные, собранные во время предварительного следствия. Александр Бурняшев был обвинен «в том, что он того же числа во время боевых действий оторвавшись от своего подразделения, при встрече с неприятельскими двумя солдатами также с оружием — винтовкой в руках и без сопротивления сдался в плен».

«Экипаж советского танка сдается в плен, июль 1939 года». Постановочная фотография, сделанная около 7-9 июля. «Танкист» с забинтованной головой – стрелок 171-го отдельного моторизованного стрелково-пулеметного батальона 8-й мотобронетанковой бригады красноармеец Александр Бурняшев, с белым платком – башенный стрелок танка 24-го отдельного танкового батальона 11-й танковой бригады красноармеец Алексей Герасимов. Красноармейцы были взяты в плен на разных участках фронта 6 июля 1939 года

Судебное следствие, однако, заметило, что на упомянутой фотографии, напечатанной в «Харбинском Времени» и растиражированной в иностранной (в том числе эмигрантской) прессе, Бурняшев отнюдь не позирует с белым флагом — белый носовой платок виден в руках совсем другого человека, красноармейца Герасимова. Военный Трибунал Забайкальского Военного Округа признал красноармейца Бурняшева виновным в добровольной сдаче в плен, то есть в преступлении, предусмотренном статьей 193-22 УК РСФСР, предполагавшей применение высшей меры наказания. В целом трибунал, рассматривая дела бывших военнопленных, избегал расстрельных приговоров, предпочитая заменять их заключением в исправительно-трудовых лагерях, в большинстве случаев на 8-10 лет, чаще с конфискацией имущества и поражением в правах. Александр Бурняшев получил шесть лет. По-видимому, у председателя трибунала, военюриста 2-го ранга Пензина, имелись основания для предположения, что рассказ красноармейца об обстоятельствах пленения правдив, и что за сдачу в плен его судить нельзя. Косвенным подтверждением правдивости этого рассказа является забинтованная голова Александра Бурняшева на

фотографии из «Харбинского Времени», вполне соответствующая его описанию полученных при пленении травм. А старшина 171-го батальона Сергей Александрович Баранов, упоминаемый в объяснительной записке, действительно погиб 6 июля 1939 года — через несколько дней он был найден и похоронен в братской могиле у центральной переправы. Можно предположить, что трибунал счел (возможно, под прямым давлением политорганов) сам факт участия в съемке постановочной фотографии сотрудничеством с противником. Но судить красноармейца Бурняшова «за фотографию» было абсурдом даже в 1939 году, поэтому формально он был осужден за сдачу в плен без сопротивления — получив при этом срок, близкий к минимально возможному.

Если в случае с Бурняшовым документов достаточно, чтобы относительно точно восстановить обстоятельства дела, то во многих других их катастрофически не хватает, что неминуемо ведет к ошибкам в реконструкции.

К сожалению, изученный комплекс документов нельзя назвать полным. Так, например, не удалось выявить часть приговоров военного трибунала (на 4 человек из 38 преданных суду), более половины «объяснений», написанных вернувшимися из плена (42 из 82), первый список военнопленных, составленный непосредственно в процессе обмена 27 сентября 1939 года, а также ряд важных документов, определивших порядок обращения с военнопленными, в том числе указания Наркомата Обороны и Политуправления РККА за сентябрь-октябрь 1939 года.

Неполнота комплекса документов оставляет открытыми ряд вопросов, касающихся как численных данных (число и фамилии военнослужащих, попавших в плен ранеными, умерших в плену, демобилизованных после возвращения из плена вследствие ранений), так и ряда не отраженных в доступных документах обстоятельств. Также, остается слабо изученным вопрос о судьбе попавших в плен монгольских цириков. На большинство красноармейцев, возвращенных в части, уволенным по ранению и не подвергавшимся репрессиям, не удалось найти социально-демографических данных, что крайне затрудняет установление их дальнейшей судьбы.

Подготовка настоящего исследования была бы невозможна без помощи многих людей. В первую очередь автор хотел бы выразить свою признательность Игорю Сеченову, первым обратившему внимание на слабую изученность проблемы военнопленных Халхин-Гола, коллективу сотрудников РГВА, неизменно содействовавших в поиске документов, Сергею Абротову и Елене Цунаевой, прочитавшим рукопись и давшим ряд ценных замечаний, а также Екатерине Романенко, подвергшей текст жесточайшей критике и заставившей автора сделать его читаемым. В равной мере появление этой книги было бы невозможным без Анны Усачёвой и Наталии Колгарёвой, терпеливо подготовивших несовершенную рукопись к печати.

Кито – Химки, февраль–июль 2014 г.

Ю.С.

Содержание

Предисловие	3
«Самурайские когти схватили меня...»	8
«Нужно другу заказать как попадать в плен...»	33
«У штаба выбросили меня связанного из машины вниз головой...»	42
В Хайларе и Харбине	47
«Сопровождая этот допрос похабной клеветой против СССР...»	55
«При допросе мне сразу дали две пощечины...»	57
«Наши пленные молча прошли мимо нас...»	61
Переговоры	61
Обмен	64
Следствие	79
Трибунал	85
«Как скомпрометировавшие себя пребыванием в плену...»	97
Монгольские пленные Халхингольской войны	103
Судьба репатриированных военнопленных	107
Список красноармейцев и командиров РККА, убитых японцами после пленения	162
Список красноармейцев и командиров РККА, по документальным данным взятых в плен, но из плена не вернувшихся	166
Документальные материалы	169
Материалы иностранной прессы, содержащие упоминания о военнопленных	171
Шифротелеграммы, содержащие упоминания о советских и монгольских военнопленных	182
Документы, написанные бывшими военнопленными	195
Объяснительные записки	195
Заявления	218

Документы политических органов	222
Доклад корпусного комиссара Н.И. Бирюкова маршалу К.Е. Ворошилову по итогам обмена пленными и результатам следствия.	224
Документы судебных органов и прокуратуры.	265
Отчетные документы Прокуратуры и Военного Трибунала 1-й Армейской группы	265
Приговоры 90-го Военного Трибунала.	268
Приговоры Военного Трибунала ЗабВО.	270
Именной указатель	306
Источники.	310
Перечень публикуемых документов	313

Русский Фонд Содействия Образованию и Науке

Университет Дмитрия Пожарского

**Информацию о других наших книгах:
аннотации, оглавления, отдельные главы,
фото обложек,
а также о книгах, готовящихся к изданию,
и о магазинах, в которых наши книги продаются,
Вы можете найти на сайте:**

www.s-and-e.ru

**При оптовых закупках возможны скидки,
с вопросами обращайтесь**

к директору издательства Андрею Гореvu: andrey.gorev@bk.ru

Свойский Юрий Михайлович

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ХАЛХИН-ГОЛА.

История бойцов и командиров РККА, прошедших через японский плен

Редактор *А.В. Усачева*
Дизайн обложки *Е.А. Горева*
Верстка *Н.А. Колгарёва*

Подписано в печать 20.07.2014 г. Формат 70 × 100¹/₁₆.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 20 п. л. + илл. Тираж 1000 экз. (1-й завод 500 экз.) Заказ №

Русский Фонд Содействия Образованию и Науке
Университет Дмитрия Пожарского
119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 13
www.s-and-e.ru

121099, Москва, Шубинский пер., д. 6
ППП «Типография “Наука”»